

Я. Абрамов. Наша жизнь въ произведеніяхъ
Чехова. — „Книжки недели“, 1898, кн. VI, с. 130-167.

Мас. № 103

НАША ЖИЗНЬ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ЧЕХОВА.

I.

Передо мною лежатъ одиннадцать книжекъ Чехова: «Въ сумеркахъ», «Хиурые люди», «Пестрые рассказы», «Рассказы», опять «Рассказы», «Дуэль», «Палата № 6», «Пьесы», «Островъ Сахалинъ», «Каштанка», «Дѣтвора». На большинствѣ изъ этихъ книжекъ стоятъ почѣтки, свидѣтельствующія объ ихъ широкомъ распространѣніи. Нѣкоторыя книжки вышли уже *седьмимъ* изданіемъ, другія — даже *десятымъ* и, наконецъ, одна — *одиннадцатымъ*.

Такимъ образомъ, во внѣшнемъ успѣхѣ произведеній Чехова сомнѣваться нельзя. О томъ-же успѣхѣ говоритъ тотъ общий шумъ, который поднимается въ повременную печать по поводу почти каждаго новаго произведенія Чехова. Особенно силенъ былъ этотъ шумъ въ теченіе всего 1897 года, когда, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ рассказовъ, Чеховъ напечаталъ два довольно крупныхъ произведенія: «Мужики» и «Моя жизнь». Эти произведенія, въ особенности первое изъ нихъ, подняли вокругъ имени Чехова настоящую войну, причемъ одни старались чуть не съ лица земли стереть нашего автора, а другіе превозносили его едва не до небесъ. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно, что на внѣшній успѣхъ своихъ произведеній Чеховъ не можетъ пожаловаться. Его читаютъ, какъ рѣдко теперь читаютъ кого-либо изъ русскихъ авторовъ, и не только читаютъ, но и много говорятъ по поводу его произведеній.

Но чисто виѣшнимъ успѣхомъ дѣло не ограничивается. По поводу произведеній Чехова и въ печати, и въ обществѣ высказываются самыя разнообразныя мнѣнія. Есть не мало людей, которые обвиняютъ Чехова въ иѣломъ рядѣ преступленій, какъ прегрѣшенія противъ дѣйствительности, односторонности, мрачность настроенія и многое другое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ—люди самыхъ различныхъ литературныхъ направленій и самыхъ различныхъ художественныхъ школъ,—съ замѣчательнымъ единодушіемъ признаютъ, что въ лицѣ Чехова мы имѣемъ несомнѣнную крупную художественную силу. Что касается собственно публики, то, несомнѣнно, Чеховъ принадлежитъ къ числу наиболее любимыхъ ею писателей. Изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей, конечно, одинъ только Левъ Толстой пользуется большимъ популярностью, нежели Чеховъ. По отношенію же ко всѣмъ остальнымъ дѣйствующимъ у насъ въ настоящее время беллетристамъ, Чеховъ, въ смыслѣ популярности среди читателей, представляетъ собою человѣка, превышающаго нѣсколькими головами окружающую его братію.

Но если Чехова читаютъ, если Чехова любятъ, если его большое художественное дарованіе—въ всякаго сомнѣнія для всѣхъ, если, наконецъ, его произведенія заставляютъ много говорить о себѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что произведенія Чехова до сихъ поръ оставляли лишь слабый слѣдъ въ самосознаніи общества, что Чеховъ до сихъ поръ имѣлъ лишь самое слабое вліяніе на образованіе тѣхъ или иныхъ господствующихъ въ обществѣ взглядовъ. Я уже не буду сравнивать его съ указаннымъ отношеніемъ ни съ Львомъ Толстымъ, оставившимъ такой неизгладимый отпечатокъ въ міросозерцаніи русскаго общества, ни даже съ Глѣбомъ Успенскимъ или Златовратскимъ, которые оказали такое сильное вліяніе на формированіе цѣлыхъ общественныхъ теченій въ нашей жизни. Но даже писатель такого, сравнительно скромнаго дарованія, какъ г. Короленко, несомнѣнно оставляетъ своими произведеніями болѣе опредѣленный слѣдъ въ душахъ читателей, нежели оставляли до сихъ поръ произведенія Чехова. Въ сущности

при чтении каждого изъ произведений Чехова читатель сильно взволнуется, много перестрадаетъ, но почти никогда не задумается. Я знаю, что есть критики, которые объясняютъ указанное явленіе отсутствіемъ у самого Чехова опредѣленнаго міросозерцанія, или даже болѣе узко—отсутствіемъ въ его произведеніяхъ опредѣленнаго «направленія». Но такое объясненіе прежде всего фактически невѣрно, какъ это ниже будетъ выяснено. На мой взглядъ, причина малаго вліянія произведений Чехова на міровоззрѣніе читателей заключается, съ одной стороны, въ чрезвычайной глубинѣ этихъ произведений, въ томъ, что онѣ касаются самыхъ основъ нашей жизни, а съ другой—въ его манерѣ мелкаго письма, если такъ можно выразиться, въ отрывочности его картинъ, въ вырванности изъ общихъ условій жизни его персонажей. Первая причина ведетъ къ тому общему явленію, какое всегда имѣло мѣсто относительно художниковъ, затрогивавшихъ самыя коренныя основы жизни. Ихъ долго не понимаютъ, и только когда они достаточно выскажутся, ихъ начинаютъ понимать и оцѣнивать. Достаточно указать на двухъ такихъ, казалось-бы, прямо противоположныхъ писателей, какъ Ибсенъ и Зола, которые долго не получали надлежащей оцѣнки, а когда, наконецъ, были должнымъ образомъ оцѣнены, то стали разсматриваться именно какъ глубокіе, и передъ чѣмъ не останавливающіеся критики самыхъ основъ нашей жизни. Чеховъ въ своей литературной карьерѣ тоже уже скоро долженъ дойти до того положенія, при которомъ его произведенія перестанутъ дѣйствовать только на чувство, но будутъ давать содержаніе и мыслямъ читателя. Признаки этого уже явились: послѣднія произведенія Чехова уже начали вызывать на размышленія, и размышленія самаго глубокаго свойства, и притомъ не только читателей, но—что еще знаменательнѣе—и гг. критиковъ. Другою причиною, умаляющею до сихъ поръ значеніе произведений Чехова, какъ сказано, является отрывочность его изображеній. И дѣйствительно, большинство произведений Чехова—небольшіе рассказы, часто всего въ нѣсколько страничекъ. Понятно, что на та-

комъ пространствѣ, какъ-бы ни былъ великъ талантъ автора, онъ многого сдѣлать не можетъ. Онъ можетъ восхитить насъ, можетъ поразить насъ, но оставить много думать надъ изображаемымъ явленіемъ художникъ не въ силахъ. Для того, чтобы произведенія Чехова произвели воздѣйствіе на складъ нашихъ воззрѣній, для того, чтобы мы взглянули на міръ Божій съ точки зрѣнія автора, необходимо прочитать подрядъ если не всѣ, то многія произведенія Чехова. Тогда предъ нами итъ этихъ мелкихъ кусочковъ сложится цѣлая картина глубокаго смысла,—картина, производящая сильнѣйшее впечатлѣніе и заставляющая работать мысль. Надо, впрочемъ, сказать, что въ послѣдній періодъ своей писательской дѣятельности Чеховъ все рѣже и рѣже прибѣгаетъ къ обычной прежде для него манерѣ—писать небольшими клочками—и даетъ намъ болѣе или менѣе цѣльныя картины, благодаря чему вліяніе его произведеній становится и сильнѣе, и глубже, и несомнѣнно заставляетъ читателя думать въ желательномъ автору направленіи, разсматривать явленія жизни подъ одинаковымъ съ авторомъ угломъ. И я думаю, что когда Чеховъ издастъ полное собраніе своихъ произведеній (въ настоящее время приходится просматривать, какъ я уже упоминалъ, однадцать книжекъ, да и въ тѣ не вошло все, написанное Чеховымъ), это изданіе произведетъ громадное впечатлѣніе на читающую публику и создастъ автору репутацію писателя съ очень опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ.

II.

Насколько безосновательны упреки, раздающіеся нерѣдко по адресу Чехова, въ томъ, что онъ рисуетъ нашу жизнь невѣрно, односторонне, нарочно будто-бы подбирая краски и изображаемыя явленія, всего лучше видно изъ сопоставленія этихъ упрековъ съ другими упреками, которые высказываются по адресу того-же писателя тѣми-же самими критиками и которые сводятся къ обвиненію Чехова въ отсутствіи у него какого-бы то ни было опредѣленнаго міросозерцанія. Такимъ образомъ, съ

одной стороны Чехова обвиняют въ томъ, что онъ выбираетъ изъ жизни только одинъ опредѣленный рядъ явленій и неправильно окрашиваетъ эти явленія, что, очевидно, человѣкъ, находящійся въ здоровомъ умѣ, можетъ дѣлать только съ опредѣленной цѣлью и побуждаемый опредѣленными мотивами, а съ другой Чеховъ представляется чѣмъ-то въ родѣ фотографическаго аппарата, безстрастно отражающаго все, что ни попадетъ въ поле объектива этого аппарата. Кажется, ясно, что такого рода противоположныя упреки прямо уничтожаютъ одинъ другой. Если художникъ производитъ надъ наблюдаемою дѣйствительностью переработку въ опредѣленномъ направленіи, то уже никакъ нельзя говорить, что у него нѣтъ никакого міровоззрѣнія и онъ только безстрастно отражаетъ дѣйствительность. Если же вѣрно послѣднее, если Чеховъ — только фотографъ, тогда теряютъ всякій смыслъ обвиненія его въ односторонности, въ подборѣ явленій и т. п. И разъ такія несомнѣнные упреки раздаются изъ однихъ и тѣхъ же устъ, отсюда слѣдуетъ только, что владѣтели этихъ устъ просто мало думаютъ о томъ, о чемъ они говорятъ.

Что Чеховъ отнюдь не фальсифицируетъ изображаемую имъ дѣйствительность, что онъ изображаетъ ее не односторонне, что онъ не подбираетъ только извѣстныхъ характера явленія, но что вмѣстѣ съ тѣмъ у него нѣтъ и опредѣленное, весьма ясное міровоззрѣніе, — на этомъ не трудно убѣдиться, прочтя какое нибудь болѣе крупное произведеніе Чехова. И если читатель не потерялъ еще чутка жизни, какъ потеряли его многие изъ нашихъ присяжныхъ критиковъ, живущие не настоящею жизнью, полною настоящихъ, живыхъ впечатлѣній, а жалкою жизнью человѣка, знающаго только свой кабинетъ, редакцію и типографію, — онъ неизбежно поразится при этомъ чтеніи необычайной вѣрностью жизни, дѣйствительности изображеній Чехова. А вмѣстѣ съ тѣмъ читатель не можетъ не видѣть, ч.о., подвергая самой беспощадной критикѣ нашу жизнь, Чеховъ можетъ дѣлать это только потому, что у него на всѣ явленія жизни сложились весьма опредѣленные воззрѣнія, что онъ

предъявлять къ жизни весьма опредѣленные требованія, словомъ, что у Чехова имѣется весьма опредѣленное міровоззрѣніе, правнѣе болѣе опредѣленное, нежли у многихъ изъ тѣхъ, которые постоянно обвиняютъ его въ недостаткѣ такого міровоззрѣнія.

III.

Когда прошлымъ лѣтомъ появился на страницахъ «Русской Мысли» рассказъ Чехова «Мужики», онъ вызвалъ дѣльный переполохъ въ нашей печати. Большие и малые критики и разные приватные люди считали своею обязанностью высказать свое мнѣніе по поводу этого произведенія талантливаго беллетриста, и, надо правду сказать, говорили болѣе все такой вздоръ, который лучше было бы говорившимъ держать про себя. Многие изъ писавшихъ по поводу рассказа Чехова отнеслись къ этому рассказу какъ къ личному оскорбленію, и раздраженіе такъ и сквозило въ каждомъ ихъ словѣ. Въ общемъ, обвинения, направленные на Чехова изъ-за «Мужиковъ», сводились къ тому, что онъ видитъ въ деревенской жизни только однѣ темныя стороны и совсѣмъ не хочетъ знать свѣтлыхъ, причемъ нѣкоторые ехидно добавляли, что, небось, авторъ не изображаетъ въ такомъ же безнадежномъ видѣ городскую жизнь. Другіе, ставшіе на сторону Чехова, напротивъ, ставили ему въ заслугу такой «односторонній» взглядъ на деревенскую жизнь и тоже приписывали ему тайное желаніе унижить деревню передъ городомъ. Нашлись и такіе умники, которые пришли даже въ восторгъ предъ несчастными, выведенными въ рассказѣ рестораннымъ лакеемъ Чикильдѣвцамъ, въ лицѣ котораго увидѣли, ни болѣе, ни меньше, какъ прекрасный образчикъ продуктоваго просвѣтительнаго воздѣйствія города, въ противоположность типичной темной деревни. Глупости человѣческой, какъ известно, нѣтъ предѣла, и это было лишній разъ доказано критиками, разбиравшими одно изъ лучшихъ произведеній Чехова. И вотъ, какъ-бы для того, чтобы успокоить однихъ и разочаровать другихъ, Чеховъ, неужли-

данно для умныхъ критиковъ, вслѣдъ за «Мужиками», напечатать «Мою жизнь», въ которой изобразить городскую жизнь вообще и жизнь интеллигентной части городского населенія въ особенности такими мрачными красками, предъ которыми краски, употребленныя для изображенія «Мужиковъ», кажутся даже слишкомъ блѣдными.

Пишущій эти строки считаетъ возможнымъ сказать, что онъ не читалъ ничего, появившагося въ нашей оригинальной беллетристикѣ за послѣднія десять лѣтъ, что произвело-бы на него такое сильное впечатлѣнiе, какъ названные два разсказа, страшные по своей безпощадной правдивости. Уже «Мужики» кажутся мнѣ настоящимъ шедевромъ, но «Моя жизнь», несомнѣнно, превосходить значительно и «Мужиковъ», можетъ быть, впрочемъ, производя болѣе сильное впечатлѣнiе потому, что въ ней рѣчь идетъ о насъ, о той средѣ, къ которой мы принадлежимъ, о культурныхъ людяхъ. Разсказъ называется «Моя жизнь», и лучшаго заглавія для него нельзя и придумать. Дѣйствительно, прочитавши разсказъ, приходится сказать: «Да, это воистину моя жизнь!». И каждый, кто вынужденъ будетъ сказать такъ по прочтеніи разсказа, скажетъ это не потому, что увидитъ какое-либо сходство съ собою въ лицѣ героя разсказа или его судьбу съ собственною. Напротивъ, Чеховъ какъ-будто нарочно выдумалъ для своего героя какую-то необыкновенную судьбу,—какъ-бы именно для того, чтобы она не была похожа на судьбу кого бы то ни было изъ читателей. И тѣмъ не менѣе, едва-ли найдутся читатели, конечно, изъ тѣхъ, которые относятся къ литературнымъ произведеніямъ просто, безъ отыскиванія въ нихъ какого-либо таинственнаго смысла и скрытыхъ цѣлей автора, которые, прочитавъ разсказъ Чехова, не увидали-бы въ немъ изображенія своей собственной жизни. Дѣло въ томъ, что въ разсказѣ изображена именно наша общерусская жизнь, переполненная невообразимой чепухой, которая невѣдомо зачѣмъ и для чего отравляетъ нашу жизнь и отъ которой солоно приходится каждому изъ насъ. И надо отдать честь Чехову, изображена эта че-

пуха нашей жизни до того безпопально, съ такою выпуклостью, что послѣ прочтенія его разсказа просто отчаяніе беретъ. Все въ этой жизни такъ ничтожно и такъ бессмысленно, что человекъ, вынужденный жить этою жизнью, и самъ превращается въ какую-то ходячую бессмыслицу. Это ужасно, но развѣ это не правда? Развѣ не такъ стоитъ дѣло въ дѣйствительности? Примѣрьте то, что говоритъ Чеховъ, къ жизни, которая окружаетъ насъ и которою мы живемъ, и если вы — искренній человекъ, вы никогда не рѣшитесь обвинять Чехова въ томъ, въ чемъ его обвиняють наши умные критики — въ какой-то якобы «односторонности».

IV.

Въ самомъ дѣлѣ, что это за жизнь, которая изображена въ «Моей жизни»? Присмотримся къ ней поближе. Начнемъ съ вѣтшности. Посмотримъ на жилища, въ которыхъ мы живемъ. Вотъ какъ изображаетъ Чеховъ городъ, въ которомъ происходитъ дѣйствіе разсказа:

«Къ сожалѣнію, онъ (отецъ героя) былъ у насъ единственнымъ архитекторомъ, и за послѣднія 15—20 лѣтъ на моей памяти въ городѣ не было построено ни одного порядочнаго дома. Когда ему заказывали планъ, то онъ обыкновенно чертилъ сначала залъ и гостиную; какъ въ былое время институтки могли танцовать только отъ цѣпки, такъ и его художественная идея могла исходить и развиваться только отъ зала и гостиной. Къ нимъ онъ присоединялъ столовую, дѣтскую, кабинетъ, соединяя комнаты дверями, и потомъ всѣ онъ ненавязчиво оказывались проходными, и въ каждой было по двѣ и даже по три лишнія двери. Должно быть, идея у него была простая, крайне спутанная, кудая; всякій разъ, точно чувствуя, что чего-то не хватаетъ, онъ прибѣгалъ къ разнаго рода пристройкамъ, присаживая ихъ одна къ другой, и я какъ сейчасъ вижу узкія спальни, узкіе коридорчики, кривыя дѣтнички, ведущія въ аятре-солн, гдѣ можно стоять, только согнувшись, и гдѣ вѣсто пола — три громадныхъ ступеньки вроде баннѣхъ полокъ; а кухня непременно подъ домомъ, со сводами и кирпичныхъ поломъ. У фасада упрямое, черствое выраженіе: линии сухія, робкія, крыша низкая, приплюснутая, а на толстыхъ, точно еловыхъ трубахъ непременно проволочные колапсы съ черными, визгливыми флюгерами. И почему-то всѣ эти выстроенные отцомъ дома, похожіе другъ на друга, смутно напоминали мнѣ

его цилиндръ, его затылокъ, сухой и упрямый. Съ теченіемъ времени въ городѣ къ бедности отца пригладѣлись, она укоренилась и стала нашимъ стѣнемъ.

Ну, скажите ради Бога, развѣ не то-же имѣсть мѣсто въ любомъ изъ нашихъ русскіихъ городовъ? Развѣ не такъ-же плоска архитектура, царящая въ нихъ, развѣ не таково-же однообразіе домовъ, и развѣ дома эти не построены съ единственною понятною въ нихъ цѣлью—сдѣлать ихъ возможно менѣе удобными для жилья? И не такъ-же-ли устроена и самая жизнь того общества, которое населяетъ эти дома? Вотъ что говорить Чеховъ о жизни этого общества, и развѣ эти слова не приложимы къ любому нашему городу:

„Я не понимаю, для чего и чѣмъ живутъ эти шестьдесятъ тысячъ людей... Большая Дворянская и еще двѣ улицы жили на готовые капиталы и на жалованье, получаемое чиновниками изъ казны; но чѣмъ жили остальные восемь улицъ, которыя тянулись параллельно версты на три и исчезали за холмомъ—это для меня всегда было неистощимой загадкой. И какъ жили эти люди, стыдно сказать! Ни сада, ни театра, ни порядочнаго оркестра; городская и клубная бібліотека посѣщались только евреями-подростками, такъ-что журналы и новыя книги лежали по мѣсяцамъ неразрѣзанными; богатые и интеллигентные люди спали въ душныхъ, тѣсныхъ спальняхъ, на деревянныхъ кроватяхъ съ клопами; дѣтей держали въ отвратительныхъ грязныхъ помѣщеніяхъ, называемыхъ дѣтскими, а слуги, даже старые и почтенные, спали въ кухнѣ на полу и украшались лохмотьями. Въ скоромные дни въ домахъ пахло торжествомъ, а въ постные—осетриной, жареной на подсолнечномъ маслѣ. Ыли невкусно, пили нездоровую воду. Въ думѣ, у губернатора, у архіерея, всюду въ домахъ много дѣтъ говорили о томъ, что у насъ въ городѣ нѣтъ хорошей и дешевой воды и что необходимо занять у казны двѣсти тысячъ на водопроводъ; очень богатые люди, которыхъ у насъ въ городѣ можно было насчитывать десятка три и которые, случалось, проигрывали въ карты цѣлая имѣнія, тоже пили дурную воду и все время говорили съ азартомъ о займѣ—и я не понимаю этого; мнѣ казалось бы проще взять и выложить эти двѣсти тысячъ изъ своего кармана.

„Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго человека. Мой отецъ бралъ взятки и воображалъ, что это ему дають изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена вѣнскаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ и

даже невольна утомить себя, и разъ въ церкви писакъ не могли познаться съ мѣстами, такъ-какъ была дѣла; въ время выборов брали и вѣсти, въ городской врачъ и ветеринара, обложки аналогичны миссѣ жаны и трактирныя уведѣнны училищъ, торговали снѣдѣнствами, давалими дѣлѣ по третьему разряду; благотворные брали съ подчиненныхъ, врачевъ и перковныхъ старостъ; въ городской, мѣщанской, врачевской и во всѣхъ прочихъ управлѣхъ каждому просителю кончали во слѣдѣ: „благодарить надо“—и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 копѣекъ. А тѣ, которые вѣстѣ не брали, какъ, напримѣръ, чины судебнаго вѣдомства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и унылымъ сужденіемъ, играли много въ карты, много пили, жили на богатѣхъ и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе. Лишь отъ однихъ двухъ вѣстѣ нравственной чистотой; у большинства изъ нихъ были высокія стремленія, честныя, чистыя души; но онѣ не понимали жизни и вѣрили, что вѣстѣ выдаться изъ уваженія къ душевнымъ качествамъ, и выйдя замужъ, скоро старились, опускались и безнадежно тонули въ тѣнѣ пошлаго, мѣщанскаго существованія“.

Я знаю, что многіе негодуютъ на Чехова за приведенный отрывокъ и говорятъ, что все нарисованное имъ преувеличено. Находятся и такіе, которые отвергаютъ вообще правдивость нарисованной картины. Но, господа, будемъ-же искренни: да развѣ не таково, на самомъ дѣлѣ, съ небольшими вариациями, жизнь въ нашихъ городахъ? Возьмемъ хоть одну черточку—взяточничество. Конечно, нѣрѣдко утверждаютъ, что взяточничество въ настоящее время уже рѣдкость, что оно или исчезло или исчезаетъ. Каюсь, что и я имѣлъ нѣкую когда-то думать, что это такъ. Но когда я окунулся въ омутъ практической жизни въ провинціальномъ городѣ, я убѣдился, что взятка, какъ и въ доброе дореформенное время, царитъ попрежнему. Вся разница отъ прежняго времени состоитъ въ томъ, что прежде взятка бралась просто, какъ сабаемое берущему, а нынѣ ее и даютъ, и берутъ въ большинствѣ случаевъ съ фокусами, прикрываясь разными штукаами, вродѣ, напр., содержанія учителями квартиръ для учениковъ,—этого типичнѣйшаго и распространеннѣйшаго явленія провинціальной жизни. Само собою разумѣется, что такое положеніе вещей только затрудняетъ и дающаго, и берушаго, и въ послѣднее

премя, когда вообще стали восстанавливаться порядки дней минувшихъ, начинаютъ и взятки давать и брать по старому, прямо изъ рукъ въ руки, или въ прошеніяхъ, подаваемыхъ куда слѣдуетъ, или въ книгахъ, которыя ревизуются старшими у младшихъ, или вообще болѣе или менѣе упрощеннымъ порядкомъ. И я увѣренъ, что читатели, если они будутъ искренни, не найдутъ приведенной картины, такъ мастерски нарисованной Чеховымъ, не только невѣрною, но даже и утрированной.

Чтобы разглядѣть хорошенько своихъ благородныхъ согражданъ, герой разсказа, по воѣ автора, сдѣлался простымъ рабочимъ-маляромъ. Конечно, можно было-бы открыть ему глаза и болѣе простымъ способомъ, но отчего, въ самомъ дѣлѣ, не взглянуть на культурную часть общества съ точки зрѣнія, на которой волей-неволей долженъ стоять рабочій человѣкъ? И вотъ что увидѣлъ герой разсказа:

„Тѣ мои сограждане, о которыхъ я раньше не былъ никакого мнѣнія или которые съ вишней стороны представлялись вполне порядочными, теперь оказывались людьми низкими, жестокими, способными на всякую гадость. Насъ, простыхъ людей, обманывали, обещивали, заставляли по цѣлымъ часамъ дожидаться въ холодныхъ сѣняхъ или въ кухнѣ, насъ оскорбляли и обращались съ нами крайне грубо. Осенью въ нашемъ клубѣ я оклеивалъ обоими читальню и двѣ комнаты мѣт заплатили по семи копѣекъ за кусокъ, но приказали расписаться по двѣнадцати, и когда я отказался исполнить это, то благообразный господинъ, въ золотыхъ очкахъ, должно быть, одинъ изъ старшинъ клуба, сказалъ мнѣ: „если ты, мерзавецъ, будешь еще много разговаривать, то я тебѣ всю морду пообью“. И когда лакей шепнулъ ему, что я—сынъ архитектора Полознева, то онъ сконфузился, покраснѣлъ, но тотчасъ же оправился и сказалъ: „а чортъ съ нимъ!“—Въ лавкахъ намъ, рабочимъ, сбывали сухое мясо, легкую муку и спитой чай; въ церкви насъ толкала полиція; въ больницахъ насъ обирали фельдшера и сидѣлки, и если мы, по бѣдности, не давали имъ взятку, то насъ въ отместку кормили изъ грязной посуды; на почтѣ самый малепькій чиновникъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ нами какъ съ животными, и кричать грубо и нагло: „Обожди! Куда дѣвешься?“... Но главное, что всего болѣе поражаю меня въ моемъ новомъ положеніи, это совершенное отсутствіе справедливости, то самое, что у народа опредѣляется словами: „Бога забыли“. Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшіе намъ оливку, и подрачки,

и ребята, и сама изъяснилась. Само собою разумеется, ни о какихъ нашихъ правахъ не могло быть и рѣчи, и свои заработавшія деньги мы должны были такой разѣ выпрашивать какъ милостыню, съезъ у чернаго прохвоста безъ шапокъ».

Еще болѣе наглядно обрисовался нравственный обликъ культурныхъ людей, предъ геросомъ разсказа, когда его сестра, загнанное, забитое, замученное домашнимъ деспотизмомъ существо, полюбила женатаго человѣка, послѣдствіемъ чего явилась беременность. Боже мой, что тогда произошло въ лицемерномъ обществѣ! Общество узнало эту «ужасную новость» во время любительскаго спектакля, въ которомъ участвовала и виновница суматохи. Когда догадливыя дамы увидѣли, что несчастная—«въ положеніи», онѣ отнеслись съ чудовищною жестокостью и къ ней, и къ ея брату, который, казалось-бы, уже совсѣмъ неповиненъ въ нанесенномъ обществу оскорбленіи. А надо сказать, что спектакль происходилъ въ домѣ, въ которомъ люди стремились не только казаться людьми, «стоящими выше предразсудковъ», но и «бороться» съ послѣдними. Такъ, чтобы показать, что числа три и тринадцать не имѣютъ силы приносить несчастья, а понедѣльникъ—вовсе не тяжелый день, въ домѣ всегда зажигали три свѣчи, обѣдали по тринадцати человѣкъ, и спектакли ставили по понедѣльникамъ. Но дальше этого «борьба съ предразсудками» не шла, и когда на бѣдную дѣвушку свалилось несчастье, ей оставалось одно—бѣжать изъ города.

Мы рѣшили, что намъ уже нельзя больше оставаться въ этомъ городѣ и что когда я добуду немного денегъ, то мы переедемъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Въ однихъ домахъ уже спали, въ другихъ играли въ карты; мы ненавидѣли эти дома, боялись ихъ и говорили объ изумительн. сердечной грубости, ничтожествѣ этихъ почтенныхъ семействъ, этихъ любителей драматическаго искусства, которыхъ мы такъ напугали, и я спрашивала, чѣмъ-же эти глухие, дѣтныя, жестокіе, несчастные люди лучше пьяныхъ и суевѣрныхъ курляндскихъ мужиковъ, или чѣмъ лучше они животныхъ, которыя тоже приходятъ въ смѣненіе, когда какая-нибудь случайность нарушаетъ однообразие ихъ жизни, ограниченной инстинктами? Что было-бы теперь съ сестрой, еслибы она осталась жить дома? Какія нравственныя мученія испытывала-бы она, разговаривая съ отцомъ, встрѣчаясь каждый день съ знакомыми! Я воображала себѣ это,

и тутъ-же мнѣ приходили на память люди, которыхъ медленно сжидали со свѣта ихъ близкіе и родные, припоминались замученными собаками, сходящими съ ума, живыми воровами, опцпанные мальчишками до-гола и брошенные въ воду,—и длинный, длинный рядъ глухихъ, медленныхъ страданій, которыхъ я наблюдалъ въ этомъ городѣ съ самаго дѣтства, и мнѣ было непонятно, чѣмъ живутъ эти шестьдесятъ тысячъ людей, для чего они читаютъ евангеліе, для чего молятся, для чего читаютъ книги и журналы. Какую пользу имъ принесло все то, что до сихъ поръ писалось и говорилось, если у нихъ все та-же душевная тьма и то-же отвращеніе къ свободѣ, что было и сто, и триста лѣтъ назадъ? Подрядчикъ-плотникъ всю свою жизнь строить въ городѣ дома и все-же до самой смерти, вмѣсто „галереи, говорить „галдарея“; такъ и эти шестьдесятъ тысячъ жителей поколѣніями читаютъ и слышатъ о правдѣ, о милосердіи, о свободѣ, и все-же до самой смерти лгутъ отъ утра до вечера, мучаютъ другъ друга, а свободы боятся и ненавидятъ ее, какъ врага“.

Неудивительно, что когда въ человѣкѣ, выросшемъ въ такой средѣ, въ такомъ обществѣ, проснется сознаніе, когда онъ прозрѣетъ,—онъ приходитъ въ ужасъ. И герой разсказа съ полнымъ правомъ отвѣтилъ своему отцу, упрекавшему его въ томъ, что онъ—шелопаи, не сумѣвшій ни карьеры сдѣлать, ни спасти сестру отъ паденія, слѣдующими тяжелыми словами:

„Сознаю, я виноватъ во многомъ; но зачѣмъ-же эта ваша жизнь, которую вы считаете обязательною и для насъ,—зачѣмъ она такъ скучна, такъ бездарна? Зачѣмъ вы въ одномъ изъ этихъ домовъ, которые вы строите вотъ уже тридцать лѣтъ, лѣтъ людей, у которыхъ я могъ-бы поучиться, какъ жить, чтобы не быть виноватымъ? Но весь городъ ни одного честнаго человѣка! Эти ваши дома — проклятая гнѣзда, въ которыхъ сжидаютъ со свѣта матерей, дочерей, мучаютъ дѣтей... Бѣдная сестра! Нужно одурять себя водкой, картами, билетями, надо подличать, ханжить или десятки лѣтъ чертить и чертить, чтобы не замѣчать всего ужаса, который прячется въ этихъ домахъ. Городъ нашъ уже существуетъ сотню лѣтъ, и за все это время онъ не далъ родитъ ни одного полезнаго человѣка, ни одного. Вы душили въ зародышѣ все маломальски живое и яркое. Городъ лавошниковъ, трактирщиковъ, канцеляристовъ, ханжей, вѣнужевыхъ, безполезный городъ, о которомъ не пожалѣла-бы ни одна душа, если-бы онъ вдругъ провалился сквозь землю!“

А сестра героя, когда она почувствовала тягость жизни, которую дотошъ вела, пришла въ ужасъ отъ прожитыхъ годовъ: